

С.В.Фролов
(Санкт-Петербург)

К ПРОБЛЕМЕ «СКРЫТЫХ» ИЛИ «ЗАБЫТЫХ» ЭПИЗОДОВ БИОГРАФИЙ ВЕЛИКИХ МУЗЫКАНТОВ: ГЛИНКА В МОСКВЕ ВЕСНОЙ 1828 ГОДА

М.И. Глинка неоднократно бывал в Москве¹ и, надо полагать, хорошо знал ее. Однако, ни в своих письмах, ни в «Записках» он о Москве сколько-нибудь серьезно не говорит. Между тем, образ первопрестольной, несомненно, получил отражение в его творческих замыслах, а сами поездки в Москву сыграли существенную роль в его творческой биографии². Особенно большое значение в этом плане имела его первая поездка, состоявшаяся весной 1828 года.

Обо всем этом можно судить, разобрав подробности первого московской турне Глинки и рассмотрев в их общем контексте всего того, что у него произошло в тот год.

Начало 1828 года не отмечено в жизни композитора чем-то сколько-нибудь существенным.

Но вот, сложившийся размеренный уклад внешне спокойной жизни в Петербурге был как-то внезапно нарушен поездкой к родителям в Новоспасское, случившейся в начале весны 1828 года.

Неожиданность этой поездки позволяют предположить, что его вызвали на Смоленщину по причине сложных имущественно-правовых обстоятельств вступления во владение наследством незадолго до того скончавшегося бездетного شماковского дядюшки Афанасия Андреевича Глинки³. И хотя основная часть наследства Афанасия Андреевича, включая شماковское имение, переходя по мужской линии, в конечном счете, досталась его единственному на то время родному брату Ивану Андреевичу⁴, можно предполагать, что какая-то часть могла быть отказана и его старшему племяннику. И может так статься, что именно благодаря последовавшему улучшению его

¹ Глинка на протяжении своей жизни 4 раза был в Москве. Первый раз это произошло весной 1828 года. Второй приезд случится в конце июня – начале июля 1834 года. В мае 1835 года он снова провел в Москве несколько дней. И последнее посещение Москвы датируется летом 1838 года.

² Здесь достаточно вспомнить хотя бы об одном из ранних оперных замыслов Глинки по сюжету повести В.А. Жуковского «Марьяна Роща» или об Эпilogue в опере «Жизнь за Царя».

³ К сожалению, точная дата смерти Афанасия Ивановича не установлена. И даже в новейшем исследовании истории рода смоленских Глинок указан лишь год его смерти – 1827. – См.: Федоров Б., Деверилина Н., Королева Т. Смоленские Глинки. 350 лет на службе России. 1645-2004. Родословная рода Глинок и потомков сестер М.И. Глинки. М., 2004. С. 69

⁴ Там же. С. 233–234.

материального положения Глинке оказалось так легко в июне того же года оставить опостылевшую ему к тому времени службу.

На время всей поездки Мишель, как тогда именовали Глинку близкие, и как он подписывал свои письма, взял на службе отпуск сроком с 12 марта по 12 мая 1828 года⁵.

По всей видимости, дела, потребовавшие столь экстраординарного посещения Новоспасского, были довольно быстро улажены, свидание с родными не слишком затянулось и у Мишеля осталось в запасе примерно дней десять от полученного отпуска, чтобы по пути обратно в Петербург провести их в Москве. Туда он заехал, чтобы погостить у своего давнего приятеля и однокашника по Благородному пансиону Николая Мельгунова.

В первопрестольную Глинка отправился «в конце апреля», а в Петербург выехал оттуда «утром, на заре 9 мая⁶», то есть лишь символически отметив приходящийся на это число «день ангела»⁷ своего приятеля. Такая поспешность с отъездом была вызвана необходимостью вовремя вернуться на службу, т.е. прибыть в Петербург не позже воскресенья 11 мая.

С Мельгуновым он не виделся с 1825 года, когда тот, уехав из Петербурга, поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел. Ко времени приезда Глинки Мельгунов стал уже занятым москвичом, сблизился с кружком «любомудров» и занял среди них заметное место⁸.

Естественно, что время, проведенное Мишелем в Москве, было наполнено общением с Мельгуновым, знакомством с городом и некоторыми его обитателями. Среди последних Глинка в своих «Записках» выделяет двоих: Николая Николаевича Норова и Степана Петровича Шевырева

С композитором-любителем Норовым он на всю жизнь сохранит приятельские, а иной раз и деловые, отношения, и, нередко упоминая его в письмах, будет называть своим другом⁹.

Что же касается известного члена кружка «любомудров» Степана Петровича Шевырева – в будущем известного русского литературного критика, историка литературы, поэта, академика

⁵ В служебном «Аттестате» Глинки сообщается: «Предъявитель сего Титулярный Советник Михайло Иванов сын Глинка, сын Капитана... в отпуску был... 1828 года с 12 Марта по 12 Мая, явился в срок» (Аттестат Глинки // «Советская Музыка». 1954. № 6. С. 86.).

⁶ 9 мая согласно юлианскому календарю празднуется Никола вешний, «Никольщина», т.е. Перенесение мощей Святого Николая чудотворца в Барград.

⁷ Глинка М.И. Записки // Глинка М. И. Лит. произв. и переписка. Т. 1. М., 1973. С. 234.

⁸ Не задерживаясь на том, каким образом Мельгунов занял в среде московских «архивных юношей», а затем и «любомудров» более, чем почетное, положение, отметим, что его очень ценил один из лидеров этих молодых философов – Н.В.Станкевич. См. об этом, например в его письме к Я.М.Неверову от 30 октября 1834 года (Станкевич Н. В. Избранное / Сост., вступ. статья и примеч. Г. Г. Елизаветиной. М.: Сов. Россия, 1982. OCR Ловецкая Т.Ю. С. 112).

⁹ См., например, письмо к В.И.Флэри от 10/22 апреля 1846 года (Глинка М.И. Литературные произведения и переписка. Т. II-А. М., 1975. С. 269).

Императорской Академии наук, то с ним Мишель следующий раз снова встретится через несколько лет в Италии. Там Шевырев, состоявший учителем сына княгини Зинаиды Волконской, будет знакомить Глинку с достопримечательностями Рима.

Кроме того, возможно, что Мельгунов водил своего петербургского друга в дом Авдотьи Петровны Елагиной, где регулярно собирались не только «архивные юноши», но и профессора университета, писатели и поэты. П.И.Бартенев писал о доме и салоне А.П.Елагиной, а впоследствии Киреевской: «Дом этот, отданный ею впоследствии И.В.Киреевскому, долго был известен Московскому образованному обществу, всему литературному и ученому люду. Языков, поселившийся у Елагиных, вспоминает об этом доме, говоря о Республике привольной у Красных у ворот. Ум, обширная начитанность и очаровательная приветливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодых братьев Киреевских, встречали в их матери самую искреннюю ласку. Тут были князь Одоевский, В.П.Титов, Николай Матвеевич Рожалин (знарок классических языков), А.И.Кошелев (друг И.В.Киреевского), С.П.Шевырев, А.П.Петерсон, М.А.Максимович, Д.В.Веневитинов, А.О.Армфельдт, архивные юноши С.А.Соболевский и С.С.Мальцов (свободно писавший по латыни)... Погодин сердечно привязался к Елагиным. Молодой Хомяков читал у них первые свои произведения...»¹⁰.

К сожалению, никаких конкретных сведений о подробностях времяпрепровождения Мишеля в те дни и о впечатлениях, которое произвела на него в тот первый его приезд старая русская столица, не сохранилось. А посмотреть в ней было на что. Москва к этому времени уже отстроилась после пожара 1812 года и переживала даже какой-то новый особый расцвет. Москвичи гордились своим обновленным городом. Именно к той поре относятся известные высказывания Грибоедова о Москве, вложенные в уста героев его великой комедии. «Пожар способствовал ей много к украшенью...», говорит Скалозуб. Фамусов же, начав с того, что у москвичей «на всё свои законы есть», далее перечисляет наиболее характерные типажи светского общества первопрестольной и обобщает – «На всех московских есть особый отпечаток... Решительно скажу: едва другая сыщется столица, как Москва».

Говоря далее об особом отпечатке «на всех московских», Фамусов был, несомненно, прав. Так, например, в отличие от петербуржцев, среди интеллектуалов Москвы к тому времени сложился особый круг молодых людей, увлекающихся новейшими течениями немецкой романтической философии. В недалеком будущем, они столь же отличительно от Петербурга будут

¹⁰ Бартенев П. Авдотья Петровна Елагина // РА. 1877. Кн. 2. С. 492-493.

увлекаться умозрительными словопрениями, разделившись между собой на так называемых «западников» и «славянофилов».

В Петербурге же все это вызывало непонимание. Так, Пушкин, сблизившийся было во время своего появления в первопрестольной в 1826, а затем и в 1827 году с московскими «любомудрами» и начавший с ними сотрудничать в «Московском вестнике», довольно скоро ощутил в них какую-то неприятную для него тяжеловесную ученость и 2 марта 1827 года с раздражением писал об этом А.А.Дельвигу: «Ты пеняешь мне за “Московский вестник” – и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать – все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... – “Московский вестник” сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? <...> А время вещь такая, которую с никаким “Вестником” не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают»¹¹.

Что же касается до Глинки, то и он никогда не был замечен в увлечении умозрительными теориями. Да и времени для погружения в московские философские тонкости у него в тот приезд не было. И все же не лишим себя возможности допускать, что его общение с «любомудрами» не обошлось без некоторых включений в их интересы.

Дело в том, что совсем незадолго до его приезда Мельгунов вместе с В.П.Титовым и С.П.Шевыревым перевел на русский язык и опубликовал книгу Вакенродера, вышедшую под названием: «Об искусствах и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком»¹².

Надо полагать, что русские переводчики гордились своим трудом и как Мельгунов, так и сблизившийся тогда с Мишелем Шевырев, просто не могли не показать своему дорогому гостю этой своей книги.

Столь же вероятно, что и для Глинки после ознакомления с трактатом Вакенродера кое-что в нем могло оказаться созвучным его интеллектуально-художественным интересам, а в отдельных случаях даже и полезным для развития его музыкального гения.

¹¹ Пушкин А.С. <Переписка, 1815–1827> 1827 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827. – 1937. С. 320

¹² Об искусствах и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком. Перевод с немецкого. М., в типографии С.Селивановского. 1826. С. I. В Германии эта книга была напечатана еще в 1814 году (Историю начального немецкого издания книги см. в статье: Сакулин П.Н. Послесловие // Об искусствах и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком / С послесловием и примечаниями П.Н.Сакулина. Москва, МСМХIV. С. I-III. Ср. с коммент. А.В.Михайлова в кн.: Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. Пер. с нем. Вступит. статья А.С.Дмитриева. Коммент. Ал.В.Михайлова. М., «Искусство», 1977. С. 239).

Таковыми представляются, например, некоторые «Отрывки о музыке из сочинений» вымышленного Вакенродером композитора Иосифа Берглингера. Первый из «Отрывков» под заглавием «Восточное сказание о силе музыки», несомненно, должен был привлечь внимание Мишеля, так как, с одной стороны, перекликался с его давним интересом к Востоку (вспомним хотя бы персидский язык в Пансионе). А с другой – осознано, или на подсознательном уровне, мог инспирировать особое, сложносочетающее мотивы зла и восторженного восхищения прочтение образа Востока во второй гениальной его опере «Руслан и Людмила».

Вот начальные слова этого «Отрывка»: «Восток есть отчизна всего чудесного. Тамошние мнения, замечательные вместе по высокой своей древности и по простоте младенческой, часто представляют нам таинственные странные намеки и загадки, которые здравый рассудок доселе привык отвергать как себя недостойный»¹³.

Столь же близкими могли быть Мишелю и представления относительно подвижной природе образного мира музыки: «...иногда для меня Музыка – толковал Берглингер, – полный образ нашей жизни – быстрая пленительная радость: она, родясь из ничего, в ничто и возвращается, то вспыхнет невзначай, то опять погаснет; – иногда же веселый, зеленый островок, при сиянии солнца оглашаемы пением и звуками на мрачных волнах неисследного океана»¹⁴.

Безусловный интерес должны были вызвать и суждения о важнейшей роли конструктивного начала в сотворении глубины содержательности музыкального произведения.

Об этом в трактате «Об искусствах и художниках...» писалось: «Во многих музыкальных творениях звуки совокуплены правильно, как числа в вычислении, как точки в мозаике, с холодным глубокомыслием. Но при исполнении они говорят красноречивым, сильным языком Поэзии, хотя художник во время своего ученого труда совсем не воображал, чтоб гений, очарованный в этом царстве звуков, мог так высоко простираť свои крылья перед внимательными чувствами»¹⁵.

Но в особенности актуальными в свете его тогдашних собственных композиторских опытов Мишелю могли показаться слова, посвященные образно-драматургическим свойствам музыки. Музыкальное искусство, по мысли Вакенродера, «сильными чарами чувственной силы возмущает дивные, кипящие рои фантазии; звуки населяют ее волшебными привидениями, олицетворяя

¹³ Об искусствах и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л.Тиком. Перевод с немецкого. М., в типографии С.Селивановского. 1826. С. 249.

¹⁴ Там же. С. 260.

¹⁵ Там же. С. 291–292.

бестелесные движения в образы страстей человеческих, которые подобно чарующим призракам магического обаяния, мелькают мимо чувств обвороженных...»¹⁶.

И главное, что, возможно, могло в дальнейшем отозваться в сознании и творчестве Глинки – это мысль о первенстве музыки в сравнении с поэзией и живописью.

И хотя речь здесь идет о «духовной музыке», не в том суть. Гораздо важнее сама иерархия в сопоставлении трех избранных искусств: «Если о духовной Музыке судить по ее предмету, то без сомнения она есть род высший и благороднейший; так точно в Живописи и Поэзии, священные предметы в сем отношении должны для человека казаться важнейшими. Восхитительно взирать, как сии три искусства, осажая с трех различных сторон надзвездную твердыню, в отважном соревновании между собой состязуются о том, которое ближе приступить к Престолу Господню. Но верно премудрая Муза Поэзии, а наиболее спокойная и важная Муза живописания, отдадут преимущество отваге и смелости в хвалении Всевышнего третьей сестре своей: она о предметах небесных дерзает выражаться на некоем чуждом, необъяснимом наречии, в громких звуках, в сильном движении, соединяя сонмы живых существ в единую гармонию»¹⁷.

Отметим, ни сам Глинка, ни кто-либо другой, ни единым словом не обмолвился о каких-либо следах оставленных идеями книги «Об искусствах и художниках...» в его жизни или в творчестве. Лишь авторы замечательного исследования немецких путешествий Глинки позволили себе ряд замечаний о том, как эта книга косвенным образом оказалась включенной в контекст его биографии. Они обратили внимание на то, что в известной статье Мельгунова, которой он хотел пригласить публику к премьере оперы Глинки «Жизнь за Царя» можно обнаружить некоторую созвучность с этой книгой. «Более того, – считают они, – статья Мельгунова о Глинке есть не что иное, как ироничное подражание стилю Тика и Вакенродера»¹⁸.

Общение с московскими «любомудрами» и даже частичное погружение в их интересы должно было оставить глубокий след в сознании Глинки и иметь особое значение, так как сразу же по возвращению в Петербург он оказался в совершенно иной компании.

Дело в том, что весной 1828 года в Петербург, как-то вдруг и неожиданно на очень недолгий срок, но столь значимо для русской культуры и для Глинки, собрались и сплотились вокруг Пушкина лучшие представители нарождавшейся великой русской литературы. Наиболее заметными среди них были Вяземский, Жуковский, Грибоедов, Булгарин и Плетнев. В этой же

¹⁶ Там же. С. 299.

¹⁷ Там же. С. 274.

¹⁸ Тышко С.В., Мамаев С.Г. Странствия Глинки. Комментарий к «Запискам». Часть II. Глинка в Германии или Апология романтического сознания. Киев, 2002. С. 51.

компания был и находившийся тогда в Петербурге польский поэт Адам Мицкевич. Все они переживали тогда важнейшие, а для некоторых из них и кульминационные этапы своего развития.

Став на какое-то время одним из наиболее заметных участников этой компании, Глинка не мог не ощутить накала творческого горения, составлявшего смысл жизни этих людей; не мог не быть охвачен теми страстями, которыми они горели; не мог не осознать глубинных смыслов, наполнявших их творения. Он не мог не заразиться тем соревновательным искусом, которым всегда чревато такое содружество, не мог не быть опален тем вызовом, который неизбежно испытывал тот, кто по масштабу своей личности, по своему божьему дару был сопоставим с этими людьми. Именно тогда он, вероятно, мог впервые соизмерить себя с ними, осознать тот уровень требований к себе, которого заслуживал его гений.

Особую прелесть столь внезапному быстрому и мощному погружению нашего Мишеля в петербургскую литературную среду в мае 1828 года придавало предшествовавшее наполненное значимыми для него событиями и достаточно интенсивным общением с местными литераторами пребывание в Москве. Явные различия и расхождения, обнаруживаемые тогда между приятельствовавшими с ним москвичами и петербуржцами, должны были создавать повышенное эмоциональное и интеллектуальное напряжение в его душе и в его сознании.

Впрочем, еще раз вернемся в Москву весны 1828 года.

Оказавшись здесь всего на несколько дней, проездом, Мишель мог видеть старую русскую столицу, главным образом, из окна экипажа. А по сему мог составить о ней лишь самые общие представления. Однако, как известно, он любил города. Во время своих многочисленных поездок по России и за границей он внимательно присматривался к особенностям каждого из них. Поэтому никак не мог он обойти своим вниманием и Москву¹⁹.

¹⁹ О том, что Москва пришлась ему, как говорится, по душе, можно судить хотя бы по тому, что впоследствии, выбирая место жительства для своей любимой сестры Людмилы Шестаковой, готовящейся стать матерью внебрачного ребенка, он предлагал ей на время поселиться именно в первопрестольной (В письме к Л.И.Шестаковой от 7/19 сентября 1852 года – Глинка М.И. Литературные произведения и переписка. Т. II-А. М., 1975. С. 348). Чуть позже, когда Шестакова уже переселилась на «положенное» время в Москву, он и сам размышлял о том, чтобы присоединиться к ней: «Мне кажется, не помешало бы попробовать нам с тобою пожить в Москве; кажись, было бы хорошо и дешево! Покамест что, сделай по сему предмету свои соображения и сообщи. Садик и место для фазанов, голубей, кроликов и пр. – вот главное для меня, не говоря уже о независимом помещении для каждого из нас» (В письме к Л.И.Шестаковой от 28 ноября / 10 декабря 1852 года – Глинка М.И. Литературные произведения и переписка. Т. II-А. М., 1975. С. 357).

Во-первых, он мог довольно подробно освоить местность вокруг дома Мельгунова, который жил, как тогда говорили, «под Новинским»²⁰.

Здесь было одно из типичнейших мест расселения дворянства средней руки. Эта местность славилась своими знаменитыми Новинскими гуляниями, собиравшими на великие церковные праздники «всю Москву».

«Под Новинским» в то время в собственном доме на углу Большого Девятинского переуллка пребывала матушка А.С.Грибоедова, которую ее знаменитый сын только что навестил, будучи проездом в Петербург после триумфального исполнения своей посольской миссии в Персии.

И не упустим здесь возможности отметить, какие «странные» бывают, пользуясь известным выражением Пушкина, «сближения»! Ведь минует не более месяца с того времени, как Мишель побывает в Москве «под Новинским», и в Петербурге произойдет его неожиданное и, к сожалению, скоротечное знакомство и творческое содружество с Грибоедовым...

Во-вторых, даже разъезжая отсюда в экипаже по гостям, или просто гуляя по городу, Глинка не мог не уловить его прелести.

Естественно, что он не мог не пережить восторга от громадных размеров этого города. Одновременно у него не могли не вызывать недоумения и грандиозные масштабы несуразностей, характерных для внешнего облика Москвы.

Так, например, в величественном Кремле громады новейших парадных сооружений Екатерининской и Александровской эпох в стиле петербургского классицизма как-то неожиданно тесно соприкасались с уютными теремными или монастырскими постройками допетровского барокко. А вместе они уже совсем никак не увязывались с древнерусским церковным колоритом могучих толстостенных храмов, окружавших Соборную площадь или с декором построенных по модели барочных укреплений миланского Замка Сфорца²¹ крепостных стен и башен Московского кремля.

При этом было нечто уютное и по-домашнему родное в паутине беспорядочно сплетенных московских переулков, огороженных заборами и застроенных большей частью одноэтажными и нередко деревянными домиками.

Среди них, в овражных низинах или на крутых холмах, как-то неожиданно прятались приземистые четверики, увенчанные луковками главок, или радостно возносились узорчатые

²⁰ Глинка М.И. Записки... С. 264. Адрес Мельгунова несколько уточняет в своей Автобиографии Я.М.Неверов, писавший, что его дом находился «под Новинским, в приходе Иоанна Предтечи в Кречетниках» (Бродский Н. Я.М.Неверов и его автобиография // Вестник Воспитания, 1915, сентябрь. С. 114).

²¹ Castello Sforzesco (итал.) – крепость, построенная в Милане в XV веке.

колокольни московских «сорока сороков»; огромные пространства занимали новые дворцы вельмож и старые, еще боярские, хоромы, окруженные бесчисленными хозяйственными постройками и снабженные древними прудами.

Еще более поражали повсеместно встречавшиеся монастыри с их псевдо-крепостными стенами; обескураживали бесчисленные огороды, болотистые пустоши и многое другое, что вызывало недоуменное любопытство европейских или европеизированных Петербургом русских гостей Москвы.

Все это было важно пережить Мишелю, так как, возвратясь в Петербург, он первый раз поселился в знаменитом доме Барбазана²², находящемся в самом сердце Петербурга. Именно здесь на пересечении Невского и Литейного проспектов, и поныне называемом в Петербурге «перекрестком всех перекрестков», он мог по-настоящему ощутить менталитет этого города. Именно здесь, в месте, где сгушались все мистические таинства имперской русской столицы, Глинка глубже всего мог проникнуться петербургским духом.

Особенно важно отметить, что происходило все это в эпоху формирования так называемого «Петербургского текста» русской культуры, который именно тогда во всей полноте своих антиномических сопряжений стал очевиден, прежде всего, в «петербургских» творениях русской литературы.

Таким образом, московские впечатления Мишеля в сочетании с новыми условиями и событиями его петербургской жизни должны были способствовать дальнейшему развитию в его сознании особых отношений с Петербургом, которые впоследствии выкристаллизовались во взаимоотношения «любви-ненависти» Глинки с этим страшным и великим городом.

К тому же, антиномические по своей сути сопряжения московских впечатлений с условиями его дальнейшего петербургского бытия, несомненно, внесли весомый вклад в формирование петербургского самосознания Глинки.

И последнее, пребывая в Москве у Мельгунова, Глинка, по всей видимости, нашел хранившиеся у него черновики своей альтовой сонаты, первая часть которой была написана еще в 1825 году. Теперь же он попытался дописать в ней вторую часть, о чем и сообщал в «Записках»: «... в эти немногие дни я писал Adagio (B-dur) d-moll сонаты...»²³. Однако, рассмотренные им тогда старые черновики третьей части не заслужили его внимания. И соната осталась незавершенной...

²² Второй раз Глинка будет жить в этом доме с 1 декабря 1851 по 23 мая 1852 года.

²³ Глинка М.И. Записки... С. 234.